

Нина Арбенина. Путешествия

- по литературным мирам
- Пепел книжных страниц
- Ее настоящая жизнь

**Журналист Федор Крылов: в когтях
шокирующих сенсаций**

- Лига охотников за вампирами
- Имя мне легион
- Тайный приют олигарха
- Бизнес-ланч у Минотавра

**«Меня зовут Элька Шрепп,
полицейка Гамбурга»**

- Закат созвездия Близнецов
- Святой нимб и терновый венец
- Дворец, где разбиваются сердца

**Под скипетром Бертрона:
триллер и гламур на Лазурке**

- Крапленая карта мира
- Шпионка, пришедшая с севера
- Восьмой смертный грех
- Демоны зимних ночей
- Воздушный замок Нострадамуса
- Побег с Лазурного берега

Жемчужина Адриатики Герцословакия:

в клубе роковых страстей

- Ключ к волшебной горе
- Профессия – первая леди
- Шоу в жанре триллера
- Лес разбуженных снов
- Ночь с Каменным Гостем
- Корона последней принцессы

Южноамериканский рай

Коста-Бьянка: океан, любовь, убийство

- Хозяйка Изумрудного города
- Кровь Троянского коня
- Звездный час по тарифу

Город и его страхи

- Трудно быть солнцем
- Вечер в городе соблазнов
- Жрец смерти
- Часовня погубленных душ
- Венец творения
- Тринадцатая Ева
- Танцующая с дьяволом
- Ремейк кошмара
- Алхимия иллюзий

«Жизнь – это коробка шоколадных

**конфет: никогда не знаешь,
какая начинка тебе попадется»**

- Девять с половиной идей
- Золотая клетка для синей птицы
- Последний бог
- Код одиночества
- Знак свыше
- Вечной жизни не хватит
- Миф страны эдельвейсов
- Небо слишком высоко
- Под маской хеппи-энда
- Билет в Зазеркалье
- Гордость и преступление

Артефакт-приключения:

в поисках сокровищ и любви

- Вилла розовых ангелов
- Хранители судьбы
- Ночь всех святых
- Русалки белого озера
- Отель сокровенных желаний
- Мольберт в саду Джоконды

Месть глубокой заморозки

- Вечность продается со скидкой
- Вендетта. День первый
- Псевдоним Венеры
- Огненный холод
- Связанные одной тайной
- Зеркальный лабиринт мести
- Мертвые канарейки не поют

Удар сердца, вздох призрака

- Еще один знак Зодиака
- Призраки страсти
- Глаза цвета тьмы
- Интервью с магом
- Путешествие в сны

**Жизнь – это сноска
в неоконченном романе**

- Обратная сторона смерти
- Потрошитель душ
- Крылатый сфинкс, печальный цербер

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЕЕ НАСТОЯЩАЯ
ЖИЗНЬ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Разработка серийного оформления *С. Груздева*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47   Ее настоящая жизнь : роман / Антон Леонтьев. —
Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Авантюрная
мелодрама).

ISBN 978-5-04-123137-8

Нина Арбенина обладает редким даром путешествовать по книжным мирам, и это не просто развлечение, а миссия. События в литературной вселенной происходят совсем не так, как во всемирно известных романах, а развиваются по своим внутренним законам, зато на них можно влиять, чем Нина успешно занимается. У девушки есть личная заинтересованность в том, чтобы докопаться до истины и восстановить справедливость: если этого не сделать, литературный портал Нины будет заблокирован, а ее саму вместе с любимым сошлют без права возвращения неизвестно куда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-123137-8

Можете всегда положиться
на убийцу в отношении затей-
ливости прозы.

Владимир Набоков. «Лолита»

Он *едва не* опоздал на поезд. Нина, волнение кото-
рой с каждой минутой нарастало, теребила перчатку все
сильнее (а на ней, как и полагалось порядочной барыш-
не конца сороковых, были изящные лайковые перчатки)
и не знала, что ей делать: зайти в поезд или остаться на
платформе нью-йоркского Пенсильванского вокзала?

Буквально за минуту до отправления, когда Нина
приняла уже решение, что в поезд на Пенн-стейшн не
сядет, потому что он изменил планы (хотя *как* он мог из-
менить — ведь все было решено за него *заранее!*), он
наконец-то появился. Невысокий, изящный, франтова-
тый, такой старосветский, со смешным ярким платком
вокруг шеи, с новеньким, явно недешевым, желтым ко-
жаным *ПИЖОНСКИМ* чемоданом.

Шумно вздохнув, Нина услышала свисток кондукто-
ра, который затем обратился к ней:

— Мэм, мы сейчас отправляемся. Разрешите вам
помочь?

Но еще до того, как он сумел прийти ей на помощь
(у Нины имелся чемодан, *далеко не* новый и уж *точно не*
такой шикарный, как у него, а купленный на распродаже
за полтора доллара, по цене для второй половины соро-
ковых годов более чем приличной), раздался вкрадчи-
вый, тихий, низкий голос:

— Я помогу. Ведь вы не возражаете, мадемуазель?

Нина, резко обернувшись, увидела, что свою помощь ей предложил он. Наконец-то они встретились лицом к лицу! Они за прошедшие недели уже встречались, но Нина не сомневалась в том, что он не заметил ее, а если случайно и увидел, то явно не запомнил — она к каждой вылазке тщательно готовилась и разрабатывала для себя всякий раз новый имидж.

Увидела она его и на скамейке в Центральном парке, где он, читая что-то высоколобо-литературное, точнее, *делая вид*, исподтишка наблюдал за сновавшими там и сям школьницами.

Или, в его понимании, *нимфетками*.

Хотя, конечно, далеко *не* каждая школьница подходящего возраста была для него нимфеткой — его разглагольствования, написанные ввергавшим в экстаз русским (ну, или *английским*, в зависимости от того, какой авторский вариант романа был под рукой), Нина за прошедшее время выучила наизусть на обоих языках.

А если не в Центральном парке, то около своей холостяцкой квартирки на Манхэттене (ну да, тогда, в конце сороковых, там можно было снять холостяцкую квартиру-студию в Верхнем Истсайде за невероятные двенадцать долларов в неделю! Пусть и *тех* долларов, но раскажи сегодня кому-либо, ведь не поверят).

Впрочем, рассказывать Нина об этом никому не собиралась. Разве что *доктору Дорну*.

А если не в холостяцкой квартирке, то в бакалейной лавке напротив. Или на почте. Или в магазинчике писчебумажных принадлежностей. Или в книжном бутике в соседнем квартале.

Да, книги он любил, но помимо этого он любил еще и *нимфеток*, и Нина дала себе слово: если за то время,

которое она неотступно следовала за ними по пятам, она увидит, как он попытается предпринять в отношении любой девочки какие-либо действия, пусть даже самого невинного характера, наподобие мимолетного разговорчика, мелкого презента или даже доброй улыбки, она вмешается и даст ему по его старосветскому барабану.

Нет, *не пытался*, хотя подолгу смотрел вслед тем девочкам, которые, видимо, попадали под им же самим изобретенную категорию нимфеток.

Все это время Нина обращала внимание на то, чтобы ее слезка не бросилась ему в глаза. Чтобы случайно с ним не столкнуться. Не попасться на мелочах. Не раз и даже не два она оказывалась в ситуациях, которых хотела бы избежать, но все прошло без проблем, и она не сомневалась, что он ее *не* заметил.

Теперь же, стоя прямо напротив него, Нина сомневалась в этом. Отчего он проявил такую галантность и решил вдруг продемонстрировать свою приторную старосветскую учтивость, при помощи которой, как она опять же прекрасно знала из английского оригинала или авторского русского перевода, он и очарует свою будущую, падкую на подобные дешевые эффекты и стосковавшуюся по твердому мужскому плечу хозяйку в доме 342 по Лоун-стрит в городке Рамздэлле, штат Нью-Гэмпшир, куда, как Нина точно знала, и лежал его путь?

Он был привлекательнее, чем она всегда представляла его, при желании его можно было даже назвать смазливый. Однако его высокий лоб и небольшой, словно срезанный, подбородок в сочетании с легко выюющимися пепельно-черными, на висках уже начинавшими седеть волосами производил демоническое впечатление.

То самое впечатление, которое позволяло этому субъекту, которого она, если использовать столь не-

приятный автору и выдуманному этому типа словесный штамп, ненавидела всеми фибрами своей души, и позволило в скором будущем завоевать трепещущее сердце тридцатипятилетней вдовы, матери двенадцатилетней девочки.

Девочки, которую замерший перед ней бонвиван, литературовед и по совместительству педофил именовал светом своей жизни, огнем своих чресел. Ну, и так далее, *по авторскому тексту...*

Девочку, которую ему предстояло растлить и продолжать это делать на протяжении многих месяцев, точнее, даже года с лишком, — и, следуя опять же словам того, кто создал и его, и девочку, которой он разбил всего лишь *жизнь* (разбить *сердце* глупышке предстояло другому чудовищу, еще более опасному и мерзкому, которое стоявший перед ней субъект потом и застрелит).

Девочку по имени *Лолита*.

Все эти сумбурные мысли промелькнули в увенчанной стильной шляпкой, несколько смахивавшей на суповую тарелку, головке Нины в течение долей секунды, однако она поняла, что он ждет ответа.

Не столько кондуктор, сколько он. Франт, профессор литературы и по совместительству (хотя, вероятнее, единственно и прежде всего!) *растлитель малолетних*. Тот самый носитель угукающе-рычащего псевдонима Г.Г., через который, опять же по словам его собственного творца и создателя Лолиты, словно через маску, горели два гипнотических глаза.

А взгляд этих темных глаз, глубоко посаженных, обрамленных густыми черными нависшими бровями идеальной формы, у Г.Г. был действительно пронизывающий. И в этот момент его глаза уставились на Нину.

Понимая, что дольше медлить нельзя, потому что это только возбудит ненужные подозрения и привлечет к ней внимание, Нина, звонко расхохотавшись, заговорила по-английски с намеренно утрированным итальянским акцентом (этого языка, насколько она помнила, Г.Г., хоть и родившийся во французской части Швейцарии, не знал).

— Ах, синьор, вы очень любезны! Да, будьте так добры! Мне в Конкорд, а вам?

Она прекрасно знала, что Г.Г. намеревался сойти в Рамздэле.

Г.Г. галантно подал ей свою столь не походившую на писательскую, короткопалую, волосатую и какую-то даже обезьянью руку (в то время как кондуктор подхватил и ее собственный чемодан, и багаж Г.Г., который вручил ему еще и свой билет), на которой тускло сверкнул пижонский перстень-печатка с перевернутой восьмеркой, символом математической бесконечности, столь подходивший к пижонскому желтому туристическому рундуку, и произнес:

— Ах, я сойду раньше. Навещаю одного старого профессора в Нью-Гэмпшире.

Ну да, куда там! Врать Г.Г., как отлично знала Нина, был мастак. Ехал он, если следовать тексту автора, в сонный городок (*ильмы, белая церковь* — что за чарующий пейзаж!) в Новой Англии, на Восточном побережье США, вовсе не для того, чтобы работать над своей многотомной антологией шедевров французской литературы (которая к моменту его ареста будет *почти* готова), а исключительно для того, чтобы, поселившись в доме обедневших родственников университетского коллеги по фамилии Мак-Ку, иметь возможность быть как можно ближе к двенадцатилетней дочери семейства.

Рай для педофила.

Они оказались в поезде, и Нина, продолжая разыгрывать экспрессивную итальянку (что, по собственному разумению, получалось достаточно плохо), продолжала тараторить:

— Ах, друзья! Это так важно для человека, синьор! Я к ним сейчас и еду. Потому что у нас, в Италии, друзья — это основа всего...

Г.Г. галантно распахнул стеклянную дверь купе, предлагая Нине пройти туда, но та заявила:

— Ах нет, у меня место где-то дальше!

Не хватало еще ехать бок о бок с Г.Г. и вести с ним светскую беседу, зная, что все его мысли заняты тем, как бы побыстрее оказаться в Рамздэле, в доме семейства Мак-Ку, и начать подбираться к двенадцатилетнему ребенку.

Монстр, что и говорить.

Впрочем, монстр, который и не подозревал, что за время его поездки дом Мак-Ку сгорит, девочку вместе с матерью ушлют куда-то прочь, а Г.Г. сбегрят на руки подруге миссис Мак-Ку, проживающей в доме 342 по Лоун-стрит.

Матери Лолиты.

— Как жаль, мадемуазель, — произнес монстр с легкой воздушной улыбкой на своем вычурном, жеманном и столь же фальшивом, как он сам, английском. — Тогда желаю вам всего наилучшего. Вам и *вашим* друзьям!

В этот момент поезд, издав мощный гудок, плавно отправился в путешествие из Нью-Йорка в крупнейший город штата Нью-Гэмпшир Манчестер через столицу штата Конкорд с двухминутной остановкой в замшелом местечке Рамздэль.

Ничего подобного желать Г.Г. Нина не намеревалась, хотя вообще-то *должна* была бы. Вместо этого экспрессивно воскликнув всенепременное «чао», она стала совать кондуктору свой билет, желая у того узнать, где же ее место, хотя прекрасно знала, где оно.

Чувствуя, что ее сердце колотится как бешеное, Нина наконец отвернулась от Г.Г. Она радовалась тому, что на этом ее общение с исчадием ада наконец завершилось, причем раз и навсегда, но вдруг услышала его вкрадчивый безупречный английский, пусть и со смешным акцентом:

— Но мы ведь с вами встречались, мадемуазель, не так ли?

Это был даже не вопрос, а *утверждение*.

Нина медленно, как в кино (точнее, в данном случае, конечно же, как *в книге*), разворачиваясь, воскликнула:

— Ах, синьор, если бы я столкнулась с таким привлекательным мужчиной, то непременно запомнила бы это!

Она явно нарывалась на комплимент, ведь Г.Г., следуя неписаному кодексу галантности, должен был бы заметить, что и он сам не забыл бы такую эффектную даму. Но милая улыбка с лица Г.Г. уже исчезла, уступив место угрюмому выражению, от которого у Нины душа ушла в пятки.

А он, пронзая ее взглядом темных глаз из-под пообезьяньи нависших бровей, заметил:

— Уверен, что мы сталкивались в Нью-Йорке. Быть может, и не раз. У меня память на лица завидная...

Вот что значит — *не заметил!* Очень даже заметил, что Нина вела за ним слежку.

Девушке сделалось страшно, хотя она знала, что Г.Г. здесь, в поезде, не посмеет ничего предпринять.

Не оставалось ничего иного, как обратить все в шутку. Пригрозив Г. Г. пальцем утянутой лайковой перчаткой руки, Нина заявила:

— Ах, синьор явно положил на меня глаз! Но я замужем и верна своему супругу. Он у меня подлинный сицилиец, очень ревнивый!

Тонкие губы Г. Г. дрогнули в сардонической усмешке, и Нина увидела крепкие желтоватые зубы совратителя Лолиты.

Настоящие *волчьи клыки*.

— И ваш очень ревнивый муж, мадемуазель, точнее, конечно же, *мадам*, отпустил вас одну в гости к друзьям? Вот они какие, эти сицилийцы!

Понимая, что Г. Г. ловко поймал ее на противоречиях, Нина воскликнула:

— Ах, синьор, как вы можете обо мне подобное думать! Я навещаю сестру моего мужа!

Г. Г. ухмыльнулся еще шире:

— Вы же только что сказали, что *друзей*, мадам...

Снова поймал! Ведь знала она, что Г. Г. опаснее барракуды, так нет, сама нарвалась на общение с ним.

Хотя могла бы сидеть в соседнем купе и исподтишка наблюдать за ним, не привлекая внимания.

Но дело все в том, что внимание она и так к себе уже привлекла — еще в Нью-Йорке.

Поэтому, снова пригрозив Г. Г. пальчиком, Нина заметила:

— Все дело в моем плохом английском! Да, да, синьор, вижу, вы со мной заигрываете! Но, уверяю вас, ничего не выйдет.

Г. Г., вдруг вновь превратившись в самую учтивость, заявил:

— Ваш английский бесподобен, мадам. Но прав ли я, что слышу в нем некоторые славянские нотки? Знаете, я был некоторое время женат на польке...

Ну конечно, был женат — когда жил в Париже, плясь в саду Тюильри на тамошних нимфеток. И *не только* в Тюильри.

— От синьора ничего не ускользнуло! Да, моя мамочка — тоже полька!

Г.Г. пробормотал:

— Этим-то и объясняется, что на итальянку вы ничуть не похожи, мадам. Я вырос в Швейцарии и в отеле моего отца повидал множество «макаронников»...

О жителях Италии Г.Г. был явно далеко не самого высокого мнения.

Тут он внезапно снова превратился в гончего пса, заявив:

— И все же уверен, что мы с вами в Нью-Йорке сталкивались...

Ну да, *еще бы!* Нина давно поняла, что надо ретироваться как можно быстрее.

— Синьор, повторяю, я замужем, и эти дешевые приемы со мной не работают. Наверное, мы в самом деле сталкивались — только что, на Пенн-стейшн! Желая вам хорошо провести время в Рамздэле!

О, он проведет там незабываемое время, только совсем иначе, чем планировал сам Г.Г. — и даже его литературный создатель!

Г.Г., вздрогнув, уставился на нее:

— Мадам, я вам точно не говорил, куда еду... *Откуда* вы знаете?

Нина и сама это поняла, потому что сказанное сорвалось с языка случайно, но она легко выкрутилась: вы-

рвала у проводника из руки билет, который ему до этого вручил Г.Г., и, отдавая его владельцу, чинно произнесла:

— Вот здесь написано, синьор! Всего вам наилучшего!

Оказавшись в своем купе, Нина в изнеможении плюхнулась на место у окна и, радуясь тому, что никого, кроме нее, в купе нет, положила ноги на соседнее сиденье.

Барышни конца сороковых так наверняка не делали, но она ведь и *не была* барышней из конца сороковых, а просто пробралась сюда, чтобы...

Чтобы помешать Г.Г. встретиться с дочерью вдовы с Лоун-стрит. С девочкой по имени Лолита.

Г.Г., этому мерзавцу, проходимцу и растлителю нимфеток.

Гумберту Гумберту, злому гению романа Владимира Владимировича Набокова «Лолита».

О путешествиях из нашего мира в другие, *не менее* реальные, в основе которых лежали литературные произведения, Нина узнала несколько лет назад совершенно случайно. Началось все в книжном магазинчике провинциального российского центра, где она училась в аспирантуре (которую, несмотря на все пертурбации, все же окончила, защитив степень). Магазинчик под названием «Книжный ковчег» в ходе разнообразных приключений перешел от своего прежнего владельца к Нине.

Причем магазинчик этот, как она узнала, был не просто вместительным рядом занимательных, старинных и даже раритетных книг, а представлял собой своего рода *портал*. Отчасти временной, но в первую очередь между мирами: тем, который был ее родным, и иными реальностями. Параллельными вселенными, населен-

ными *не* зелеными человечками, не кровожадными «чужими» и *не* ангелоподобными существами, не ведающими смерти и горя, а *литературными героями*.

Каждый из миров, куда она получила доступ, был в определенной мере слепком того или иного литературного произведения. Однако течение событий в этом литературном мире, *абсолютно* реальном и *ничуть не* настоящем, хоть и вписывалось в общих чертах в канву того или иного романа, рассказа или даже поэмы, но не следовало ей слепо, а часто во многом отличалось от того, что Нина читала на страницах того или иного произведения.

Литературная вселенная жила по своим собственным внутренним законам, и часто события в ней принимали совсем иной поворот, чем тот, который был знаком ей если не со школьной скамьи, то с университетской.

Ну, или из опубликованного в интернете текста.

Именно поэтому ей и удалось в свое время, оказавшись в «Братьях Карамазовых» Достоевского, пусть и не помешать убийству злобного похотливого старика Федора Павловича, но спасти его старшего сына Дмитрия от каторги и доказать, что убийцей сладострастного старче не являлись ни братья Карамазовы, ни приبلудный лакей Смердяков. Нина вывела подлинного душегубца на чистую воду и передала его в руки правосудия. Правда, при этом сама на время превратилась в подозреваемую в убийстве погрязшего в плотском грехе старшего Карамазова, пытавшегося склонить ее ... *гм...* к действиям явно не самого невинного характера.

А потом, очутившись в «Анне Карениной» Льва Толстого, она спасла главную героиню *не только* от смерти под колесами поезда, *но и* от участи стать жертвой изо-